

Глава 1. Перерождение

Бледное золотистое сияние барьера укрывало небеса и землю.

За этой преградой на тысячи ли тянулись священные горы. Своими очертаниями они походили на остов гигантского волка, который припал к земле, выгнув костлявую спину в ожидании удобного момента для броска. Люди, идущие среди этих хребтов, казались лишь жалкими муравьями.

После ожесточенной схватки несколько десятков практиков в разноцветных даосских робах разошлись в стороны. Держа мечи наготове, они настороженно переглядывались, прочесывая местность. Лишь спустя время, когда опасность миновала, напряжение в их рядах понемногу спало.

— Проклятое место, — проворчал кто-то, опуская клинок. — Сплошные ловушки на каждом шагу, а если не они, так призраки духовных зверей.

— Это же тайное царство. Здесь не может быть безопасно. Но чем труднее войти, тем яснее: силы мастера, оставившего это наследие, были велики, а спрятанные сокровища — бесценны.

Человек в темно-синей робе лишь презрительно усмехнулся:

— Молодой господин семьи Мо уже вошел внутрь со своими людьми. Снаружи гору оцепили тысячи учеников Дивного края Хуами. Какими бы ценными ни были эти сокровища, нам-то что с того? Даже если случится чудо и мы что-то найдем, разве нам позволят это вынести?

Остальные лишь тяжело вздохнули. Дивный край Хуами — величайшая школа современности, а семья Мо — первый среди кланов, чья власть в мире заклинателей была безгранична. Тягаться с ними таким мелким сошкам было не по зубам.

Тот, кто начал разговор, обреченно покачал головой:

— Забудьте. Мы здесь не за сокровищами. Раз уж приняли поручение помочь семье Мо в преследовании и убийстве предателя и случайно оказались в этом месте, стоит поблагодарить судьбу за такую возможность. Будем довольствоваться малым...

— И то верно.

— Так и поступим.

Слова согласия слетали с губ, но на лицах застыла безнадежность. Втайне каждый лелеял свои мысли, не спеша ими делиться.

Пока отряд отдыхал, разговор плавно перешел на цель их охоты.

— Слыхали? Тот беглец ведь был приемным сыном в семье Мо. Как-никак, их связывали годы. И всё же в этом поручении сказано: изловить и убить любой ценой.

— Не всё так просто, — отозвался заклинатель в синей робе. — Вспомните Пир в море персиковых цветов. Тогда на Великом состязании семья Мо увидела его необычайный талант и по доброте душевной приняла в ученики внутреннего круга. Сам глава школы взял его в преемники, растил как родного сына. И чем он отплатил? Едва глава тяжело занемог, этот негодяй украл священную реликвию школы Кунью и сбежал. Поистине... — он брезгливо поморщился, — хуже скотины.

«Приемный сын семьи Мо». Тот самый вольный заклинатель, что с обычным деревянным мечом в руках сокрушил сотни гениев из Трех Великих Бессмертных Краев, Шести Школ и Девяти Кланов. Человек, чье мастерство на Пире в море персиковых цветов поразило мир.

Мо Сюнь.

Он носил ту же фамилию, что и глава школы, а лицом был на семьдесят процентов поразительно схож с госпожой Циньхуа. С другой стороны, родной сын семьи Мо не имел с родителями ни единой общей черты. И вспомнить хотя бы, как потерял самообладание глава школы во время того состязания...

Голоса на мгновение стихли. Но лишь на мгновение. Дела величайшей школы их не касались. К тому же...

— Помните, когда на Бессмертного владыку Хуаюя напали враги, именно молодой господин Мо, не колеблясь, отдал собственное сердце, чтобы спасти отца? — заговорил один из мужчин, протирая лезвие меча. — Владыка исцелился, но молодой господин Мо с тех пор страдает от болезни сердца. Каждый месяц он переносит нечеловеческие муки.

— Это еще не всё...

— Когда госпожа Циньхуа была при смерти, именно он, преодолевая невыносимые преграды, вынес Цветок драконьей души из Гробницы дракона.

— Говорили, когда он вышел оттуда, кости его были переломаны, а руки, державшие меч, превратились в кровавое месиво. В нем едва теплилась жизнь.

— А этот Мо Сюнь? Он только стоял и смотрел, и пальцем не пошевелил...

Стоит ли удивляться, что глава школы долгие годы выдавал своего родного сына, волею судеб оказавшегося на чужбине, за приемного? Лишь для того, чтобы тот, кто пожертвовал всем

ради семьи, сохранил свое достоинство и почет.

— Какая поразительная стойкость. Неужто ты собираешься подняться даже с перебитыми руками?

В самом сердце пещеры, укрытой в тайном царстве, на инвалидном кресле восседал юноша, на плечи которого была наброшена лисья шуба. Он с праздным интересом склонил голову набок, опираясь локтем на подлокотник.

Заметив, как человек на полу пытается пошевелиться, Мо Чжиянь небрежно щелкнул пальцами. Вспышка духовного света отбросила раненого, ударив его в спину и впечатав в каменную стену.

В груди Мо Сюня всё клокотало. Сплюнув кровь, он осознал: на этот раз он не может даже шевельнуться.

С тех пор как школа Хуами издала Приказ героя, призвав весь мир заклинателей к охоте на него, прошло десять лет. Его преследовали, словно нескончаемый рой саранчи. Едва затягивались раны после одной схватки, как наступала следующая волна. С годами число тех, кто пал от его руки, росло, и имя Демона гремело всё громче. Теперь даже те праведные кланы, которых не прельщала награда семьи Мо, не могли оставаться в стороне.

Он стал врагом всего мира.

— Говорят, твои руки уже были однажды раздроблены в Гробнице дракона. Какое везение — восстановиться после таких травм. Не зря тебя прозвали...

«Дитя Небесного Дао»

При мысли об этом Мо Чжиянь ощутил укол зависти, отозвавшийся резкой болью в сердце. Его собственные руки, покоившиеся на подлокотниках, были безупречны — бледные и гладкие, словно выточенные из нефрита. На ладонях заклинателя меча не было ни единой мозоли; было ясно, с какой тщательностью за ними ухаживали.

Юноша на полу был его полной противоположностью: его руки покрывали уродливые шрамы от ожогов, порезов и переломов.

— Но толку от твоих стараний? Ведь все заслуги теперь принадлежат мне.

Мо Чжиянь высокомерно вскинул подбородок. В сущности, ему незачем было завидовать.

Каким бы Дитя Небесного Дао ни был Мо Сюнь, сейчас он лежал перед ним, словно побитый пес.

— Дай-ка вспомнить, что говорил отец... — он коснулся пальцем виска, насмешливо щурясь. — Семья Линь и так недовольна, что Янь-эр занимает место законного наследника, не будучи кровным сыном. Если они узнают о твоих подвигах, меня заставят прогнать его. Но как я могу выставить его за порог, если он отдал мне свое сердце?

Мо Сюнь слабо повел изуродованными пальцами. Его длинные ресницы, слипшиеся от крови, дрогнули.

— Ты — моя плоть и кровь, я — твой отец. Неужели ты позволишь, чтобы спасителя твоего отца вышвырнули из дома?

Мо Чжиянь не выдержал и расхохотался, хлопая в ладоши.

— К слову, есть одна вещь, которой ты еще не знаешь. Помнишь, как ты нашел Сердце лотоса и продал его, чтобы выручить денег на лекарства для своего приемного отца-смертного? Но на артефакте был яд. Он убил богатого торговца, а те бедняки, твои названные родители, отдали все сбережения, чтобы выкупить тебя из тюрьмы. Им не на что было купить лекарства, и они не пережили ту зиму...

Юноша в инвалидном кресле злорадно приподнял бровь:

— Тот яд подмешал я.

Годы он прожил, словно на тонком льду, но теперь всё подходило к концу. Даже повзрослев и став сдержаннее, Мо Чжиянь не мог отказать себе в удовольствии похвастаться триумфом. Всего один пакет с отравой — и он перевернул ход истории еще до того, как сюжет успел начаться.

Он заклеил Мо Сюня как жадного предателя, чей эгоизм сгубил тех, кто его вырастил. И даже когда родной отец нашел его, это пятно на репутации заставило его сердце остыть к сыну. Сам же Мо Чжиянь вознес себя на вершину добродетели. Теперь, что бы ни делал противник, ему достаточно было лишь шевельнуть губами, чтобы присвоить эти заслуги себе.

Как, например... Цветок драконьей души, который Мо Сюнь добыл, едва не расставшись с жизнью.

Однако, сколько бы он ни говорил, человек на полу оставался неподвижен, словно мертвец. Мо Чжияню не понравилась эта тишина.

— Дядя Я, подтащи его сюда.

Мужчина, стоявший за креслом, молча шагнул вперед, схватил пленника и бросил его к ногам господина. Мо Чжиянь носком расшитого сапога лениво ткнул раненого в бок, хихикая.

— Братец, неужели ты даже не откроешь глаз, чтобы взглянуть? Это ведь то самое... Сердце лотоса, которое ты когда-то продал за гроши.

Грудь Мо Сюня едва заметно вздымалась. Под спутанными прядями волос его веки с трудом приоткрылись, обнажая тонкую полоску глаз. Он проследил за жестом врага.

— То сердце, что я отдал отцу, было исцелено твоим Сердцем лотоса.

Мо Чжиянь грубо схватил его за волосы, и в его глазах вспыхнул фанатичный блеск:

— Ну как, сюрприз? Спасибо тебе. Если бы ты не был таким профаном и не продал бы сокровище ради какого-то смертного, мне бы не удалось так легко всё получить. А бедняга-смертный перед смертью наверняка тебя возненавидел! Ха-ха-ха, какая ирония!

Он смеялся, упиваясь чужой глупостью. Насмеявшись вдоволь, юноша повернул на большом пальце кольцо-напальчник — бессмертный артефакт — и бросил короткое:

— Убей его.

Дядя Я безмолвно шагнул к Мо Сюню, намереваясь нанести последний удар в сердце. Мо Чжиянь не отводил взгляда. Это был финал мести, которую он готовил сотню лет, и он не желал пропустить ни секунды.

Внезапно в небо ударил кроваво-красный луч. Мощная волна энергии сотрясла пещеру. Всех троих раскидало в стороны. Мо Чжиянь, находившийся дальше всех, отделался лишь испугом и легкими ушибами, но для его изнеженного тела и это было невыносимо.

Дядя Я и Мо Сюнь приняли основной удар на себя.

Мо Чжиянь застыл, глядя на разорванное пополам тело верного слуги.

— Как такое возможно... — прошипел он сквозь зубы. — Расколота тишина! Она оставила «Расколотую тишину» тебе?! Я добыл для неё Цветок драконьей души, а она отдала свой артефакт тебе!

«Расколота тишина» была личным оружием госпожи Циньхуа. Оказалось, даже загнанный в угол, Мо Сюнь хранил свой последний козырь. Артефакт защитил хозяина: Дядя Я погиб, но Мо Сюнь остался жив.

«Расколота тишина» окутала раненого облаком белоснежных кристальных лепестков, создавая подобие кокона. Сквозь полупрозрачные грани было видно, как Мо Сюнь, закрыв глаза, мучительно хмурится.

Победа, которая была уже в руках, ускользала. Мо Чжиянь вновь ощутил тот старый страх, что преследовал его годами: страх, что законный владелец вернет себе всё. Забыв о боли, он вскочил с кресла. В его руку скользнул меч, сияющий переливами света.

— Паршивое отродье... — прорычал он. — Мне не следовало оставлять тебя в живых. Я сам... кха-кха!

Выплывая проклятия, он двинулся вперед, опираясь на клинок.

Кокон рассыпался искрами. Мо Сюнь медленно поднял веки, скрывая в глубине зрачков густую алую мглу. Он небрежным жестом убрал волосы за ухо, обнажая бледную щеку. Шрам пересекал его лицо, но даже это уродство не могло скрыть его ослепительной красоты.

Лицо Мо Сюня, так похожее на лицо матери, служило живым доказательством их родства, ежесекундно напоминая Мо Чжияню, что он лишь подделка. Стоило им встать рядом, и любой бы понял, кто здесь настоящий сын. Мо Чжиянь когда-то пытался изувечить это лицо, но не преуспел до конца. Гнев кипел в нем.

В этот миг он увидел, как Мо Сюнь протянул руку к алому клинку, вонзенному в самую глубь пещеры.

— Неужто ты надеешься на этот меч? — глумливо бросил Мо Чжиянь. — Ты думаешь, я не пробовал? Его невозможно вытащить.

Слова застряли у него в горле. Мо Сюнь не стал брать за рукоять. Он сжал ладонью само лезвие.

Живая плоть против древнего божественного оружия.

Кровь мгновенно хлынула из раны, стремительно растекаясь по клинку. Древние узоры на стали вспыхнули, словно их коснулась кисть незримого мастера. Мо Чжиянь и сам когда-то пытался окропить этот меч кровью, но тот остался холоден. Сейчас же, почуввав неладное, он бросился вперед, чтобы помешать ритуалу.

Пещера содрогнулась. Своды начали рушиться, земля под ногами пошла трещинами. Под градом камней и в облаках пыли мелькнула черная тень. Мо Чжиянь в ужасе расширил глаза, и в следующую секунду черное лезвие пронзило его грудь, выйдя из спины.

— А-а-а!!!

Прижатый к земле, Мо Чжиянь забился в конвульсиях. Мо Сюнь, сжимая меч, опустился на одно колено и взглянул в искаженное мукой лицо врага. Окровавленные пряди волос упали на его лицо, а в глубине зрачков плескалась бездна ярости.

— И что с того? — негромко произнес он. — Ты просто умрешь.

Мо Чжиянь содрогался, пытаясь обернуться к нему:

— Ты... ты не можешь убить меня. Если убьешь меня, ты и сам умрешь...

Мо Сюнь не желал слушать. Его силы были на исходе, горло заполняла кровь. Неважно, убьет он Мо Чжияня или нет — его собственный путь здесь заканчивался. Но он не уйдет один.

Жизнь Мо Чжияня держалась лишь на Сердце лотоса. Меч замер прямо над его грудью. Зная остроту божественной стали, тот боялся даже дышать, стараясь унять дрожь.

— Ты живешь благодаря этому? — прошептал Мо Сюнь. В нем больше не осталось прежнего смирения.

Мо Чжиянь, растеряв всю спесь, лишь хрипел в ужасе:

— Нет... я... не надо, прошу тебя...

Мо Сюнь повернул кисть. Под истошный крик врага острие вошло глубже, сминая плоть и упираясь в нечто твердое.

— Мо Сюнь, ты сумасшедший! — вопил Мо Чжиянь. — Как ты смеешь убивать меня! Я ведь... я... Ты подохнешь, обязательно подохнешь, я хочу, чтобы ты стал моим погребальным даром!

Резкий толчок. Хруст.

Сердце лотоса разлетелось на куски.

Мо Чжиянь умер. Его глаза остались широко открытыми, в них застыл предсмертный остекленевший взгляд, полный ненависти.

Мо Сюнь не выпускал рукояти, даже когда кожа на ладонях стерлась до мяса. Он давил до тех пор, пока силы не покинули его. Ощувив на лице капли чужой крови, он медленно моргнул. Мир перед глазами качнулся и окончательно погрузился во тьму.

Где-то в лесу шумел водопад.

Тело скатилось по склону и замерло у самой кромки воды. Юноша, казавшийся совсем юным и хрупким, лежал ничком. Спутанные волосы закрывали лицо, а на обнаженных руках и шее проступали синяки.

Прошло немало времени, прежде чем его ресницы дрогнули. Он болезненно нахмурился, а пальцы, лежавшие в траве, судорожно дернулись.

С тихим звоном прямо из воздуха перед ним выпал угольно-черный меч.

Юноша зашелся в мучительном кашле. Боль вернулась внезапно, пронзая каждую клеточку тела, словно он только что прошел сквозь строй палачей.

Он распахнул глаза. В глубине его черных зрачков на мгновение вспыхнуло алое пламя. Мгновенно перекатившись, он вскочил на ноги, вцепившись в рукоять меча. Тело его было натянуто, как струна, готовое к смертельной схватке. Он настороженно огляделся.

Никого. Ни погони, ни врагов.

Воспоминания о прошлой жизни нахлынули волной, и напряжение сменилось растерянностью. Он медленно перевел взгляд на то, что сжимал в другой руке. Это был пятицветный камень. Артефакт, который Мо Чжиянь называл Сердцем лотоса.

Мо Сюнь промок до нитки, всё его существо изнывало от боли, но он, преодолевая слабость, опустил камень на землю. Его пальцы дрожали. Опершись на меч, он медленно выпрямился.

В следующую секунду дрожь в руках исчезла. Хватка стала стальной. Острие меча замерло над редчайшим сокровищем.

— Единственное, что может спасти твою жизнь, верно? — прошептал он. Лицо его было мертвенно-бледным, но взгляд горел решимостью.

Удар.

Меч вонзился в самую сердцевину пятицветного камня.

Сердце лотоса разлетелось вдребезги. Увидь кто-нибудь, как он уничтожает эту бесценную святыню, наверняка лишился бы чувств от ужаса или проклял бы его за святотатство. Но Мо Сюню было плевать.

— Твоя жизнь взамен моей... Неплохой обмен, не так ли?

Потоки чистой пятицветной энергии вырвались из осколков. Устремившись вверх по лезвию, они впитались в тело Мо Сюня.

На черной стали клинка, там, где в ряд были выстроены семь звезд, вспыхнула первая. Белое сияние озарило сумрак леса.

<http://bllate.org/book/15862/1432105>